

Х. ШРЕДЕР ЛАРОШФУКО В РОССИИ

Русский перевод знаменитых «Максим» Ф. Ларошфуко (1612—1680), увидевший свет в 1781 г., дает возможность сделать некоторые наблюдения над историей афоризма в русской литературе. Этот перевод, выполненный А. Ф. Малиновским, является одним из самых ранних, если не первым переводом Ларошфуко в России. Во всяком случае, нам не удалось найти более раннего упоминания французского писателя в русской печати.¹

Развитие жанров русской литературы XVIII столетия предполагало интерес к малым формам, получившим особенное распространение в журналистике. Нравоучительной тенденции удачно отвечали всевозможные типы кратких изречений, которые зачастую заимствовались у античных авторов. Все это весьма способствовало восприятию «Максим» Ларошфуко.

Заметим сразу, что если имя Ларошфуко стало в это время более или менее известным русскому читателю, то продолжателей

¹ Рассуждения и мысли господина де ла Рошьефоко. Перевел с итальянского языка Алексей Малиновский. — Московское ежемесячное издание, 1781, ч. I, № 1, с. 241—258 (в дальнейшем ссылки на страницы этого издания — в тексте). О литераторе и переводчике Алексее Федоровиче Малиновском (1762—1840) см.: Венгеров С. А. Источники словаря русских писателей, т. IV. Пгр., 1917, с. 134—135; Берков П. Н. История русской журналистики XVIII в. М.—Л., 1952, с. 400 и сл. Дальнейшие переводы из Ларошфуко указаны в издании: Неустроев А. П. Историческое разыскание о русских повременных изданиях и сборниках за 1703—1802 гг. СПб., 1874, с. 801, 809; отдельные издания: Дух изящнейших мнений, избранных большею частью из сочинений г. Рошефокольда и прочих лучших писателей. Перевел и избрал Н. С. М. 1788; Нравоучительные мысли герцога де ла Рошефоко. Перевела Е. Т. М., 1798; Свойства и действия страстей человеческих. Из соч. г. Вольтера, Руссо, Рошефукольда, Вейсса и других новейших писателей. Перевод с франц. СПб., 1802; Мысли герцога де ла Рошефуко, извлеченные из богатого познания мира и людей. Перевел с франц. Иван Барышников. М., 1809; Нравственные рассуждения герцога де ла Рошфуко. Переведены с франц. Дмитрием Пименовым. М., 1809. — Автор искренне благодарен М. В. Разумовской (Ленинград) за помощь в библиографических разысканиях по данной теме.

его жанра в России почти не знали. Один из них — Ж. Лабрюйер — интересовал русскую публику только как автор «Характеров», но отнюдь не как мастер афористического жанра.

Здесь мы сталкиваемся также с проблемой терминологии. Понятие «ма́ксимы», введенное Ларошфуко, получило довольно широкое распространение (Гете, как известно, назвал цикл своих поэтических афоризмов «Максимы и размышления»). Однако в России оно почти не прижилось, хотя и вошло в некоторые новейшие общие словари.² Составители же литературных словарей до сих пор избегают этого термина. Что касается понятия «афоризм», то и ему уделялось в справочниках сравнительно мало внимания. Исключения составляют статьи в «Литературной энциклопедии» (1929—1930) и «Краткой литературной энциклопедии» (1962). Впрочем, и в западноевропейской научной литературе вокруг этого жанра по сей день ведутся споры.³

Обычно максима рассматривается не как синоним афоризма, а как одна из его разновидностей наряду с гномами, сентенциями, апофегмами и пр. Это — краткое, законченное изречение, заключающее в себе одну какую-либо мысль и не предполагающее ни предварительного ее обоснования, ни дальнейшего развития с использованием ассоциаций. Предметом максимы является поведение человека. Форма ее требует предельной краткости. Искусство Ларошфуко превратило максиму из простого сообщения правил морали в особый вид художественной прозы. При этом, разумеется, максима продолжала оставаться нравучением, предполагающим критическое отношение к окружающему. Максимы Ларошфуко адресовались тому обществу, в котором он жил. Широко используя парадоксы, писатель показал абсурдность поведения своих современников. За его критикой неизменно присутствовал положительный идеал высоконравственного и образованного человека, *honnête homme*, в котором было нечто и от самого автора. С этим связана некоторая субъективность, индивидуальное своеобразие афоризмов Ларошфуко.⁴

Парадокс как стилистический принцип максимы бесспорно связан с понятием «остроумия», которое было сформулировано

² См., например: Словарь современного русского литературного языка, т. 6. М.—Л., 1957, с. 518.

³ См.: Schalk F. 1) Das Wesen des französischen Aphorismus. — Die neueren Sprachen, 1933, Bd. 41, № 1, S. 130—140; № 2, S. 421—436; 2) Zur Geschichte des Wortes «Aphorismus» im Romanischen. — Romanische Forschungen, Bd. 73, 1961, S. 40—59; Mautner F. H. Der Aphorismus als literarische Gattung. — Zeitschrift für Ästhetik und allgemeine Kunstwissenschaft, 1933, Bd. 27, № 2, S. 132—175; Krüger H. Studien über den Aphorismus als philosophische Form. Frankfurt a. M., 1956; Kruse M. Die Maxime in der französischen Literatur. (Hamburger Romanistische Studien, Bd. 44). Hamburg, 1960, S. 23—24.

⁴ См.: Heß G. La Rochefoucauld. Die Maximen. — Deutsche Vierteljahrschrift für Literaturwissenschaft und Geistesgeschichte, 1935, Bd. 13, S. 456—489.

М. В. Ломоносовым в его «Кратком руководстве к красноречию» 1748 г.⁵ Среди источников этого понятия называют сегодня трактат испанца Бальтазара Грасиана «*Agudeza y arte de ingenio*» (1648). Это важно отметить, так как испанский автор считается одним из предшественников Ларошфуко.⁶ В своих максимах Ларошфуко, таким образом, откликнулся, сознательно или стихийно, на запросы литературы своего века. Но сложному, орнаментальному стилю он предпочел строгость, простоту и краткость высказывания, звучавшего вместе с тем неожиданно и странно, т. е. парадоксально.

Едва ли, однако, А. Ф. Малиновский, приступая к переводу, руководствовался соображениями литературно-теоретического порядка. Афоризмы Ларошфуко привлекли его скорее отточенностью стиля и своей краткостью, столь, казалось бы, удобной для перевода. Но молодой переводчик не сумел, конечно, достигнуть стилистического уровня подлинника. В переводе встречаются ошибки, сильно искажающие смысл. Некоторые сложные мысли остались недоступными Малиновскому, недостаточно хорошо знакомому с той средой, о которой шла речь. Все же почти половина из полуторасот максим переведена довольно удачно.

Приведем некоторые примеры.

Ларошфуко «*Il semble que la nature, qui a si sagement disposé les organes de notre corps pour nous rendre heureux, nous ait aussi donné l'orgueil pour nous épargner la douleur de connaître nos imperfections*» (№ 36).⁷

Перевод Малиновского: «Природа, толь разумно расположившая органы нашего тела для соделания нас счастливыми, кажется, что придала еще нам гордость, чтобы тем избавить нас печали при познании наших несовершенств» (с. 245).⁸

Оригинал передан здесь почти дословно и вместе с тем без погрешностей против русского языка; легкий нюанс, привносимый словами «печаль при познании», не меняет общего смысла максимы.

⁵ См.: Ломоносов М. В. Полн. собр. соч., т. 7. М.—Л., 1952, с. 109.

⁶ См.: Lachmann R. Die Tradition des «ostroumie» und das «acumen» bei Simeon Polockij. — In: Slavische Barockliteratur, Bd. I, hrsg. von D. Tschizewskij. München, 1970, S. 41—59; см. также кроме указанных выше работ по истории афоризма: Разумовская М. В. К истории «максим» Ларошфуко. — В кн.: Вопросы творческой истории литературного произведения. Л., 1964, с. 80. — О Б. Грасиане см.: Алексеев М. П. Этюды из истории испано-русских отношений. — В кн.: Культура Испании и его теории. — В кн.: XVII век в мировом литературном развитии. М., 1969, с. 129—138.

⁷ Тексты Ларошфуко и номера афоризмов приводятся по изданию: *Oeuvres de La Rochefoucauld*, v. I. Paris, 1868.

⁸ Указание в журнале на то, что перевод делался с итальянского, вызывает сомнения: местами он настолько близок к подлиннику, что наличие промежуточной ступени допустить трудно. Относительно того, переводил ли А. Ф. Малиновский с других языков, кроме французского, сведения отсутствуют.

Ларошфуко: «Le bonheur et le malheur des hommes ne dépend pas moins de leur humeur que de la fortune» (№ 61).

Перевод Малиновского: «Счастье и несчастье людей не менее зависит от нрава, как и от фортуны» (с. 246).

Обычно переводчик передавал «fortune» как «счастье», но в данном случае он отошел от правила — и тут следует отдать должное его стилистическому чутью. Не всегда, конечно, перевод шел так гладко. Ошибки Малиновского зависят, как правило, от недостаточного понимания мыслей французского моралиста, например:

Ларошфуко: «Comme c'est le caractère des grands esprits de faire entendre en peu de paroles beaucoup de choses, les petits esprits, au contraire, ont le don de beaucoup parler et de ne rien dire» (№ 142).

Перевод Малиновского: «Великим умам прилично сказать многое в малых словах, а те, кои лишены оногo, имеют дар говорить много и ничего не сказать» (с. 249).

В переводе утрачен смысл выражения «faire entendre», что является ощутимой потерей. В этих словах заключена самая сущность максимы как разновидности афористического жанра, имеющего целью будить мысль читателя и указывающего на одну из основных особенностей всякого словесного искусства. Приведенный образец позволяет убедиться как в достоинствах оригинала, так и в ограниченных возможностях переводчика.

Можно тем не менее утверждать, что перевод А. Ф. Малиновского способствовал знакомству русских читателей с Ларошфуко. Кроме того, переводчик внес свой посильный вклад в совершенствование русского литературного языка.⁹

Таким образом, перевод Малиновского мы рассматриваем как ценную для своего времени «информацию» о творчестве французского моралиста и вместе с тем как попытку использовать его опыт для обогащения отечественной речевой культуры. Интерес к афоризму как особому жанру проявился в русской литературе гораздо позднее — лишь в творчестве Льва Толстого. Однако он пришел к этому жанру своим путем, руководствуясь задачами создания дидактических произведений. В составленных Л. Толстым «Мыслях мудрых людей на каждый день» тенденция морализировать, поучать выступает очень отчетливо. Сопоставим изречение, перенесенное туда из «Талмуда»: «Как нечувствителен и равнодушен к чужому горю бывает человек богатый» с максимальной Ларошфуко: «Nous avons tous assez de force pour supporter les maux d'autrui» (№ 19). Другой пример — афоризм, сочиненный самим Л. Толстым: «Нет несчастья хуже того, когда чело-

⁹ Заслуживают, вероятно, внимания такие предложенные А. Ф. Малиновским соответствия понятий, как: vertu — твердость, bonne fortune — благополучие, apparence — наружность, finesse — хитрость, conversation — обращение, mérite — достоинство, impuissance de la volonté — слабосилие, médisance — злословие, prudence — благоразумие и т. д.

век начинает бояться истины, чтобы она не обличала его».¹⁰ В подобных сборниках Л. Толстого появляются имена таких создателей афоризмов и максим, как Шопенгауэр, Вовенарг и особенно часто — Паскаль.¹¹

Непосредственно к Ларошфуко привела Л. Толстого работа по редактированию сборника Г. А. Русанова «Избранные мысли Лабрюйера, с прибавлением избранных афоризмов и максим Ларошфуко, Вовенарга и Монтескье» (1906). Помимо того, что он написал предисловие, Л. Толстой прибавил к книге по собственной инициативе значительное количество максим Ларошфуко, исправив и дополнив вместе с тем переводы Русанова. Развитый и гибкий литературный язык составлял, разумеется, преимущество Л. Толстого по сравнению с переводчиком XVIII в. Но особенно интересно для нас небольшое предисловие к книге. Писатель приходит здесь к тем же самым результатам, что и авторы современных нам исследований об афоризме. Он различает два основных типа философов: у одних — строго разработанные системы, у других — разрозненные, но четко сформулированные мысли, выраженные в афористической форме. Признавая, что французские моралисты XVI, XVII и XVIII столетий довели жанр афоризма до совершенства, Л. Толстой видит в них тем не менее последователей еще более старых мастеров, оставивших сборники изречений этого же типа. В афористическом жанре Л. Толстого подкупают «непосредственность, искренность, новизна, смелость и как бы стремительность мысли, ничем не связанной, и сила выражения». Главным качеством афоризмов является для Л. Толстого то, что они «не только не подавляют самостоятельной деятельности ума, но, напротив, вызывают ее, заставляя читателя <...> делать дальнейшие выводы».¹²

Внимание Л. Толстого к жанру афоризма — знаменательный факт. Он доказывает, что очень старый стилистический принцип, подхваченный и разработанный в XVII в. (например, у Б. Грассиана) и в теориях позднейшего времени (например, у М. В. Ломоносова), продолжал жить в новых исторических условиях. Пусть его теоретические обоснования были со временем забыты,

¹⁰ Толстой Л. Н. Полн. собр. соч., т. 40. М., 1956, с. 108; см. также: «Календарь с пословицами на 1887 г.» (там же, с. 7 и сл.).

¹¹ Изучение отношения Л. Толстого к этим авторам афоризмов не входило в задачи настоящей статьи. Отметим лишь, что Паскаль привлекал его в первую очередь как религиозный философ, и интерес к Паскалю относится, по-видимому, к началу 1880-х годов; ранняя ссылка на Паскаля находится в вариантах «Отрочества» (см.: Толстой Л. Н. Полн. собр. соч., т. 2, с. 287).

¹² Там же, т. 40, с. 217—218. — В предисловии к книге Г. А. Русанова приводятся сведения о жизни Ларошфуко. Комментатор «Полн. собр. соч.» Л. Толстого Н. Н. Гусев не указывает, что эти сведения почти дословно заимствованы (без ссылок на источник) из новой тогда французской биографии: Bourdeau J. La Rochefoucauld. Paris, 1895, p. 98, 103, 166, 174 (ср.: Толстой Л. Н. Полн. собр. соч., т. 40, с. 490—492).

однако в своей литературной практике философы и писатели вновь и вновь обращались к нему. Не случайно Шопенгауэр переводил Грасиана, не случайно и Л. Толстой интересовался максимами. Парадоксальность максимы встречала с его стороны полное понимание, поскольку этому виду афоризмов было присуще то же «остранение», которое было характерно для его стиля.¹³ Но Л. Толстой пошел дальше французских моралистов. Из стилистического принципа, приема, подчас превращавшегося в словесную игру в духе маньеризма, изречение становится у него способом осмысления основных морально-философских вопросов и более того — средством познания человека.

(Перевод Р. Ю. Данилевского)

¹³ Подробно об этом см.: L a c h m a n n R. Die «Verfremdung» und das «Neue Sehen» bei Viktor Šklovskij. — «Poetica», München, 1970, Bd. III, H. 1—2, S. 226—249.